воля

#6 (38)
12 июня
2012 года

воля — газета свободомыслящих людей, выходит с августа 1989 года

куда движется движение

Александр Бикбов, социолог (НИИ митингов)

Социолог Александр Бикбов за работой на #ОккупайАбай фото: anatrrra

1. Общий настрой начала марта — разочарование. Записные комментаторы, да и многие митингующие уверены, что больше ничего не будет, никто не выйдет на улицу, «протест слили». Только в интервью, которые на улице берёт группа НИИ митингов, люди почему-то повторяют: я обязательно вернусь, если понадобится, выйду на улицу, если пойму, что это нужно. Мы им верим и рассказываем об этом в выступлениях середины марта на радио «Свобода». Как показали события 6 мая, эти обещания митингующих не были самообманом. Люди действительно вернулись на улицу. Было немало и тех, кто впервые присоединился к движению именно тогда. После разгона митинга люди опять сообщали нам в интервью, что обязательно выйдут на улицу. Подтверждением их слов стал успех уличного лагеря на Чистых Прудах и на Баррикадной. Там мы снова спрашивали, готовы ли люди к дальнейшим действиям. Собеседники снова подтверждали свое намерение вернуться...

2. Завершилась эпоха митингов — как серия событий, выстроенных вокруг громогласной центральной сцены. Полицейское насилие сдвинуло равновесие в неожиданную сторону. Атаки ОМОНа на мирных демонстрантов и пробежки с ними (точнее, против нас) по бульварам породили не только общий шок и решимость. Своим насилием полиция произвела настоящий авангард протеста, бросив митингующих в объятия города. Впервые после 6 декабря участникам гуляний, а затем и лагеря понадобился твиттер. Не как волшебная машина впечатлений, а как средство тактической координации на улице. Прямое общение между людьми и намерение собираться вместе отменили нужду в комендантах и звёздных вожаках. Место сбора и повестку дня стали определять не телезвёзды, а хэштеги твитов. Если поначалу российскую зиму (необоснованно) сравнивали с «арабской весной», то именно после 6 мая, вслед за неразборчивым насилием ОМОНа и «гонками» по городу, сходство в способах координации, наконец, объединило российский опыт с мировым. Без лидеров, с правом на город и свободой быть вместе здесь и теперь.

3. Соединение городского радикализма, в частности, раз за разом принимаемого решения до конца оставаться на улице, и радикализма виртуального, этого доверия к твиттеру — породило новую реальность: заново учреждённую и на сей раз куда более конкретную гражданскую политику. Не аскетический героизм активистских групп и не обречённую настойчивость профессиональных правозащитников. Тысячи участников, продолжающих считать политику грязным делом, неожиданно для себя получили прививку совсем иного рода. Опыт ассамблей, этого законодательного органа уличного лагеря, опыт хозяйственной самоорганизации (кухни, информационного листка, автономного электричества и интернета), опыт голодовки наиболее отчаянных участников и, конечно, опыт свободных дискуссий по общественно значимым вопросам. Причём во многом требования и практики лагеря повторяли пример активистов-«маргиналов», который казался таким диким ещё несколько месяцев назад. Лозунги свободы собраний, полицейский разгон, поездка в отделение полиции в автозаке. После 20-летнего смятения и частичной капитуляции перед потребительским самодовольством город снова перестал быть суммой коммерческих центров, транспортных пробок и хмурых полицейских, проверяющих регистрацию в переходах метро. Он стал политией: местом столкновения мнений и конфликта с нерадивыми властями. Местом, где снова завязался диалог о желании чего-то большего, чем уютная ниша беззаботного досуга.

4. Внутри движения, пропитанного городским пространством, возникли новые различия и деления, которые нельзя было предсказать ещё в начале мая. Прежде были левые, правые, либералы, аполитичные, ЛГБТ. Зачатки политических партий в исходном значении этого слова — как устойчивых групп, которые отстаивают ту или иную идею. Новая городская ситуация подтолкнула движение к созданию новых партий: партии вечерних ассамблей, превыше всего ценящей совместные решения и процедуры, и партии захвата городского пространства, которая поставила своей целью сохранить непрерывный уличный лагерь как главное завоевание последнего месяца. Эти различия не отменили, но частично перекрыли прежние политические разрывы и союзы. Чем дальше, тем увереннее вся система координат движения, всё разнообразие приобретённого опыта выстраиваются так, что их нельзя переподчинить одному лозунгу или «слить» одним умелым жестом.

5. На митинг 10 декабря многие отправлялись в неизвестность: будут ли провокации или власти от них воздержатся, станет ли полиция бить демонстрантов или сумеет обойтись без насилия... Вечером 10 декабря началась эпоха улыбок, адресованных полиции. Вечер 6 мая вновь вернул ситуацию к исходной неопределённости. Очевидная провокация насилием со стороны ОМОНа придала митингам привкус рискованного приключения. Новый закон о митингах и массовых собраниях стал ещё одной, на сей раз юридической провокацией. Совсем не эфемерная, она

уже подтолкнула к первым манёврам на границе допустимого: митинги, нарисованные мелками на площади, шествия из пластилиновых человечков... Почти наверняка можно утверждать, что это только начало новой перестановки сил. Утверждать в противовес наблюдателям и «экспертам», которые торопятся определить ситуацию раз и навсегда, пригвоздить движение своим вердиктом, как бабочку в коллекции энтомолога.

6. Если то неразборчивое насилие, которым отмечено 6 мая, продолжится, это может в очередной раз изменить состав движения. Место активных сторонников ненасильственного сопротивления (митингов, лагерей) вполне могут занять те, кто предлагал штурмовать Кремль отнюдь не в фигуральном смысле. Такую заявку озвучивали, в частности, крайние националисты, постепенно отошедшие от участия в мирном протесте. Ведь общественное движение — это не только питательная среда гражданской солидарности и самоуправления. Это боевой танец, в узоре которого раскрываются новые мотивы войны и мира. ОМОН как агрессор — это также партнёр по танцу. Возможно, его руководство выискивает для себя в движении равносильного противника, попросту не зная, что делать с этим пёстрым и ускользающим разнообразием гражданских участников. Если ему удастся нащупать перед собой тех крепких, готовых к бою парней, вся ситуация станет для властей, наконец, очень понятной и знакомой. Не в том ли заключается их тактика на сегодня? Замкнуть ОМОН на физическое сопротивление, а затем от этой зоны конфликта повернуть наступление против всего движения.

7. Если так, этот путь чреват непредсказуемыми последствиями. Как говорит герой «V значит vendetta», достаточно, чтобы кто-то один совершил ошибку. Тогда все хитроумные планы и многоходовые комбинации властей утратят смысл. На деле, недавние аресты и обвинения в провокации тех, кто 6 мая был сильнее всех избит ОМОНом, становятся первыми шагами в неверном направлении. Потому что 6 мая ОМОНовцы избивали всех подряд, в последующие дни автозаки заполнялись случайным образом. Сейчас уже недостаточно простой сдержанности самих митингующих, призывов друг к другу: «Любыми средствами избегайте насилия». Дальнейшая эволюция связана не только с идущей внутри движения (между участниками) работой осознания. Решающим фактором здесь оказываются действия органов силы, их профессиональная сдержанность или развязные репрессии. Возможно, политический разум и внимание к балансу сил за эти месяцы сформировались не только у митингующих. Но уверенными в этом мы быть не можем. Что мы можем, так это быть бдительными и солидарными.

лето
может оказаться
горячим

Принято считать, что в России политическая жизнь замирает на лето. Очевидно, что в этом году такого не произойдёт. Какова может быть личная политическая программа на ближайшие месяцы у каждого из нас — об этом размышляет Юля Филиппова, участница общественного движения

Замирает ли традиционно политическая жизнь на лето, зависит от того, о какой активности мы говорим и какие акторы нам интересны. Если посмотреть на динамику действий участников социально-трудовых отношений, направленных на отстаивание своих интересов и социальных позиций, буквально бросается в глаза ярко выраженная сезонная интенсивность: в начале года наблюдается минимальный уровень числа протестов, который постепенно нарастает к середине лета, традиционно достигая максимума в июне-июле. Именно на лето приходится и более ярко выраженный пик так называемых «стоп-акций» (полных или частичных остановок деятельности предприятий). И это позволяет говорить о том, что лето — это пора протестов и забастовок. Возможно, такая сезонность связана с цикличностью годовой жизни людей и их восприятием разных периодов года. Лето — это завершение некого цикла, когда надо подводить итоги и смотреть на перспективы. И если итоги неважные, а перспективы не радуют, то это может дать импульс для недовольства, способного перерасти в протест. Да и организовать протесты в тёплое время очевидно легче. При этом, как отмечают исследователи, в этом году интенсивность роста числа протестных акций в первой половине года была выше, чем в предыдущие годы. Продемонстрирует ли нам традиционный июньско-июльский пик небывалый рост числа протестов? Именно от ответа на этот вопрос и будет зависеть моя общественная/политическая программа на ближайшие месяцы.

На #ОккупайАбай не боялись брать с собой детей
фото: anatrrra

ВОЛЯ — газета свободомыслящих людей
выходит с августа 1989 года
#6 (38) 12 июня 2012 года
редакторы номера: Вера Бредова, Влад Тупикин // графика: Виктория Ломаско //
вёрстка: Swindle
контакт: gazeta.volja@gmail.com // www.gazeta-volja.livejournal.com
Нравится газета? Помогите материально! Номер нашего кошелька
в системе Яндекс-деньги 410011275888490
адрес для переводов в PayPal: volja7volja@gmail.com

История #ОккупайАбай устами его участника

Егор Лаврентьев, член организации «Автономное действие» и активист протестного движения #ОккупайАбай, за несколько часов до разгрома лагеря рассказал корреспонденту сайта Рабкор.ру Владимиру Петрову о том, как на Чистых прудах произошла оккупация городского пространства, как в лагере протеста был организован быт, каким образом принимались решения о его хозяйственной и политической жизни (печатается с сокращениями).

Как ты узнал о лагере и почему принял решение присоединиться к нему?

Я был одним из его создателей, потому что ещё до этого участвовал в «народных гуляниях», которые проходили после «Марша миллионов» и инаугурации Владимира П***на. В те дни многие люди из протестного движения просто вышли на улицу в центр города и начали гулять, попутно высказывая своё недовольство политической ситуацией. Как обычно, ОМОН занимался разгонами и пытался вытеснить протестующих с главных площадей столицы. В результате довольно много людей оказались на Чистых прудах и решили «осесть» у памятника поэту Абаю Кунанбаеву. Сначала там просто играли на гитарах, потом появилась инициативная группа, которая начала постепенный захват городского пространства.

Как только были поставлены первые стенды, мы решили провести несколько дискуссий и лекций. Через некоторое время стали подходить разные люди, интересоваться, каждый предлагал что-то своё. Из-за большого наплыва лагерь постепенно начал обрастать инфраструктурой. Появились кухня, инфоцентр и собственная охрана. В первые дни я не оставался на ночь и уходил спать домой, но там были ребята, которые прожили все эти дни с самого начала оккупации.

Какие политические взгляды доминировали в лагере #ОккупайАбай?

У большинства людей, которые приходили в лагерь, не было какой-то до конца оформленной политической позиции, у каждого из них было своё мнение по поводу разных социальных вопросов, но они не ассоциировали себя ни с правым, ни с левым движениями. В то же время у активистов, живших в лагере, уже существовала дифференциация. Жизнь в лагере в большинстве своём поддерживали именно активисты, и среди них было разделение на левых, правых и либералов. Сразу оговорюсь, что под правыми я подразумеваю националистов.

Как ты считаешь, похоже ли по своему содержанию то, что творилось на Чистых прудах, на движение «Возмущённых» в Испании или Occupy Wall Street в США?

По форме, безусловно, похоже, по содержанию — нет. #ОккупайАбай — это самоуправляемое движение с горизонтальной структурой без лидеров, где все решения принимаются на генеральной ассамблее. Но требования у этого движения достаточно абстрактные и реформистские. Движение «Возмущённых» и движение Occupy Wall Street более конкретны, там люди выражают своей протест против социальной политики властей, против гегемонии банков, против сложившейся социально-экономической системы. Здесь же на мой вопрос, какой лозунг они считают квинтэссенцией происходящего, большинство людей сразу же отвечали: «Россия без П***на». Большинство хотело лишь того, чтобы П***н ушёл. Но была и другая тенденция — всё больше и больше людей понимали, что ответом на их вопросы является далеко не П***н, что ответы содержатся в совершенно других вещах.

Пригодился ли участникам лагеря у Абая опыт движения Occupy в других странах?

Да, целиком и полностью. Некоторые группы начали даже переводить статьи, которые были написаны нашими зарубежными товарищами. Повторюсь, все решения принимались на ассамблее, любого лидера гнали в шею, если кто-то из них пытался себя провозгласить каким-то координатором или ещё кем-либо.

Как люди относились к разным VIP-персонам, которые часто посещали лагерь, причём делали это иногда всего на несколько часов и при этом раздавали интервью?

Сложилась достаточно противоречивая ситуация. Многие были рады тому, что кто-то из медийных персон приходил в лагерь. Такие персонажи тут же обрастали толпой, им задавали вопросы, просили помочь. Но существовала и другая — диаметрально противоположная точка зрения. К примеру, когда на одну из ассамблей в самый разгар дискуссии пришёл депутат государственной думы Дмитрий Гудков и хотел сделать объявление о каком-то политмероприятии, ему предложили встать в очередь. Он обиделся и ушёл. Это демонстрирует, что люди готовы иногда ставить на место зазнавшихся оппозиционеров.

Расскажи подробней о деятельности лагеря.

Быт лагеря возник стихийно. Те, кому было интересно заниматься какой-то деятельностью, готовить или выносить мусор, стали ею заниматься. В начале появилась инфогруппа, занявшая площадку в центре лагеря, сюда стекались все информационные потоки. Позже появились столики с литературой, преимущественно левого содержания. У лагеря было даже несколько газет. Но из-за того, что каждая из политических организаций пыталась монополизировать издание общей информационной газеты, не было возможности выпускать издание, которое готовили бы все вместе. Хотя по лагерю ходили листки с названиями #ЧистыеПруды и #ОккупайАбай, которые рассказывали обо всём, что происходило.

Пели на #ОккупайАбай по-разному: вот так (неизвестный тенор)...

Дальше возникла группа по кухне. Вначале они кормили всех сухим пайком, печеньями и другими сладостями. Потом многие левые активисты стали присоединяться и началась кормёжка всех желающих горячей едой, в этом большую роль сыграли более опытные товарищи из инициативы Food Not Bombs. На кухне был жёсткий распорядок, еду выдавали в определённые часы, а между кормлениями происходила уборка. Кто не мог помочь с готовкой, просто сдавал деньги, для этого была специальная коробка. Позже появились дружинники — они выводили провокаторов и пьяных за территорию лагеря.

Что за ситуация возникла с вывозом биотуалетов под прикрытием ОМОНа?

Туалеты у Абая стояли начиная с народных гуляний, с 9 мая. Они быстро забились, ведь там каждый день собиралось до 2000 человек. Тогда люди скинулись, чтобы биотуалеты продолжали обслуживать, и несколько дней эта система функционировала нормально. А 14 мая приехала какая-то «газель» и ликвидировала туалеты под защитой ОМОНа. Власти это объяснили тем, что туалеты не укладываются в рамки народных гуляний. Собственно, до появления лагеря протестующих на бульваре всё так и было, люди пили и испражнялись где угодно.

Как было организовано финансирование лагеря?

У нас было несколько коробок для сбора денег на разные нужды, была и одна главная коробка, куда стекалась большая часть средств. Финансы лагеря шли на все нужды, начиная с еды и заканчивая канцтоварами. Мы закупили доски, на которых вывешивалась информация, купили пледы, пенки и спальники. Также были приобретены генераторы, мобильные зарядки, Wi-Fi роутеры, в лагере было электричество и интернет. Нам постоянно нужны были деньги на что-то.

Сообщалось о том, что мэрия собирается подавать иск за вытоптанные газоны. Их действительно вытоптали?

Когда лагерь только начинал работу, там уже было несколько человек — экологов по профессии. Они сфотографировали все прилегающие к территории лагеря газоны, потому что к моменту нашего там появления они уже были практически вытоптаны, ведь Чистые пруды — место, куда многие приходят отдыхать. Да и сам газон у нас укладывается не по самым современным технологиям, ведь по логике газон как раз и предназначен для того, чтобы по нему люди ходили, а у нас его кладут так, что всего несколько прошедших приводят его в негодность. Конечно, этим сразу воспользовалась префектура. Они сказали, что мы всё вытоптали, и с помощью полиции заставили нас убрать имущество с клумб и зелёных насаждений, а затем выступили с заявлением, что мы нанесли ущерб в один миллион рублей (после разгона лагеря цифра эта в устах чиновников выросла ровно в 20 раз, до 20 миллионов — *«Воля»*). Несмотря на это, мы, в принципе, готовы восстановить газон и даже посадить его заново, но я считаю, что это должно осуществляться именно движением #ОккупайАбай, а не с помощью служб ЖКХ, ведь при первой же передаче денег властям те сразу же их банально распилят.

...и так (группа «Аркадий Коц»)

Не секрет, что участники лагеря подвергались жёсткой информационной атаке со стороны правительственных СМИ. На Первом канале говорили, что вокруг лагеря было полно использованных шприцов. Как вы относились к употреблению алкоголя и наркотиков?

В лагере существовал сухой закон — было запрещено употребление алкогольных напитков. Дружинники за этим следили и всех, кто был нетрезв, просили удалиться. Этот принцип соблюдался, это было решено на генеральной ассамблее. Пьяных было гораздо меньше, чем в других частях того же Чистопрудного бульвара. Многие и курили в специально отведённых для этого местах и бычки кидали в урны. Про наркотики даже нечего говорить, я не видел ни одного человека, который что-либо тут употреблял. Место лагеря было довольно чистым, поскольку активисты постоянно убирались, и даже если бы там, гипотетически, лежали какие-то шприцы, их бы убрали, а тех, кто употреблял наркотики, удалили.

Как часто в лагерь наведывались активисты прокремлёвских молодёжных движений, сотрудники центра «Э» и ФСБ в гражданском?

Раз в день обязательно приходил какой-нибудь нашист, кто-то из других прокремлёвских молодёжек, или ещё какой-нибудь провокатор. Понятное дело, что лагерь притягивал и самых разных городских сумасшедших, они могли туда беспрепятственно приходить. А нашисты совсем опустились ниже плинтуса, как-то они кинули дрожжи в один из туалетов. Переодевались постоянно в костюмы мульт-персонажей и раздавали всем средства для мытья рук, с намёком на то, что мы жили, якобы, в антисанитарии. Агенты ФСБ и центра «Э» также периодически появлялись, но в последние дни существования лагеря их интерес к нам погас. В основном дежурило два автозака — в начале и в конце бульвара. Обычно сотрудников в штатском было много тогда, когда и обычной полиции бывало достаточно. Я хорошо знаю в лицо многих, кто работает в этих структурах, в отделе по борьбе с экстремизмом, в частности, и видел много новых лиц, которые стояли рядом с моими «старыми» знакомыми. Судя по всему, они расширили свой штат и тренировались на лагере.

Обитатели лагеря разговаривали с полицией?

Да, постоянно общались с ними. С ОМОНом активисты особо не говорили, ибо бытует мнение, что люди оттуда не готовы к восприятию какой-либо информации. В последние дни охраной лагеря занимался второй оперативный полк полиции — это не ОМОН, а обычные полицейские, но тоже нацеленные на разгон демонстраций. Именно их некоторые пытались агитировать, какие-то листовки по закону о полиции раздавали. Полицейские иногда приходили в лагерь чайку попить, мармеладками угостить. Т. е., в принципе, с полицией были установлены более-менее человеческие отношения. Я бы даже сказал, что отношения с ними строились на доброжелательных началах.

А как проходили ассамблеи в лагере протеста?

Ассамблея — главный орган, который принимал решения в движении #ОккупайАбай. Она собиралась каждый вечер, около восьми-девяти часов. Любой, кто ассоциировал себя с этим движением, мог принять в ней участие. Никаких мандатов, никаких членских билетов, ничего для этого не требовалось. Была группа по организации ассамблеи, в неё тоже мог записаться каждый. Данная группа составляла повестку, на которую можно было вынести любой вопрос. Дальше шли обсуждения, каждый человек мог поднять руку, выступить и вынести какой-то вопрос на голосование. Все решения принимались в ходе голосования: люди поднимали руки, и если большинство за, то решение принималось. Если кто-то был жёстко против принятого решения, он мог заблокировать его, но тогда ему приходилось обосновать свою позицию. Это, конечно, серьёзно затягивало проведение ассамблеи, но в то же время избавляло от диктатуры меньшинства или диктатуры наиболее активных членов.

Интересный момент был замечен на протестах Occupy Wall Street в США, где участники отказались от принятия решений консенсусом в пользу ¾ большинства — из-за того, что постоянно какие-то городские сумасшед-

История #ОккупайАбай устами его участника

шие блокировали решения ассамблей. Какая ситуация сложилась в Москве?

В Москве всё было аналогично. Тут даже необязательно городские сумасшедшие, были просто те, кто не понимал механизмов работы ассамблеи, кто не привык принимать решения консенсусом в группах больше 20 человек. Бывали ещё и идейные разногласия. В то же время я считаю, что принятие решений в подобных ситуациях возможно. То же самое происходило в Испании, решения на многих их ассамблеях тоже принимались консенсусом, и там люди научились это делать. Это вопрос опыта. Рано или поздно метод принятия решения через ассамблею можно будет спокойно широко использовать. Хотя я всё же сторонник голосования большинством.

Большинством в ¾ или больше 50 процентов?

Нужно подумать об этом. Все решения, которые блокировались на ассамблее #ОккупайАбай 14 мая, были бы приняты, если бы мы тогда использовали метод ¾, потому что там всё время был один единственный блокирующий. Недостаток такого метода состоит в том, что он может вызвать проблемы с подсчётами, потому что ассамблея — это сложный механизм. Кто-то уходит, кто-то приходит, царит лёгкий хаос.

Что нужно было сделать человеку с улицы, который хотел прийти и организовать дискуссию, семинар или лекцию в лагере?

Это делалось очень просто. Человек подходил к инфоцентру и на доске мог написать любую тему для своей лекции или выступления. Там всё было в свободном доступе — и маркер, и доска для объявлений. Мы ему даже могли оказать помощь, сделав табличку с названием его мероприятия и походив с ней по лагерю. Эта площадка была открыта для всех.

Выступления какого характера доминировали, социальные или политические, с идейным уклоном влево или вправо?

Преимущественно — левые. К примеру, были выступления с анализом событий на Ближнем Востоке, о стратегии протестующих на площади Тахрир, об арабских революциях. Было несколько докладов по движению Occupy Wall Street, по тому, как организовать забастовку. Я ни разу не видел, чтобы какие-то националисты проводили у Абая свои семинары. Проходили семинары общего толка — по общению с полицией, на тему защиты животных, выступали «Солдатские матери» по теме «Как защитить себя от незаконного призыва».

То есть в лагере в основном доминировала левая повестка?

Да я бы сказал, что и сам лагерь был устроен на началах солидарности и самоорганизации. Это изначально левые принципы и ценности, и все их разделяли.

Как ты считаешь, являлись ли майские протестные гуляния и «Контрольная прогулка» попыткой вернуть утраченное либералами доверие после зимних событий и демонстрируют ли они их амбиции вновь возглавить оппозиционное движение?

Каждый, кто ассоциировал себя с либеральными убеждениями, в лагере постоянно пытался тянуть одеяло на себя, пытался объявить себя лидером. Либо те, кто не участвовал в жизни лагеря, приходили вечером, как, к примеру, какой-нибудь Немцов, и начинали привлекать к себе внимание, раздавать интервью и говорить о том, как они хотят возглавить движение. Но если на митингах политиканы могли проталкивать свою повестку, используя медиаресурсы и финансовые возможности, то здесь движение #ОккупайАбай отторгало их, поскольку там существовали реальные механизмы самоуправления и принятия решений. (...)

Если говорить о распределении обязанностей в лагере, то получается, что левые формировали его интеллектуальный центр, а правые — силовой?

Я бы так не сказал, в охране были как правые, так и левые. А в общем, лагерь функционировал на левых принципах и левых активистов здесь было больше, нежели либеральных или националистических.

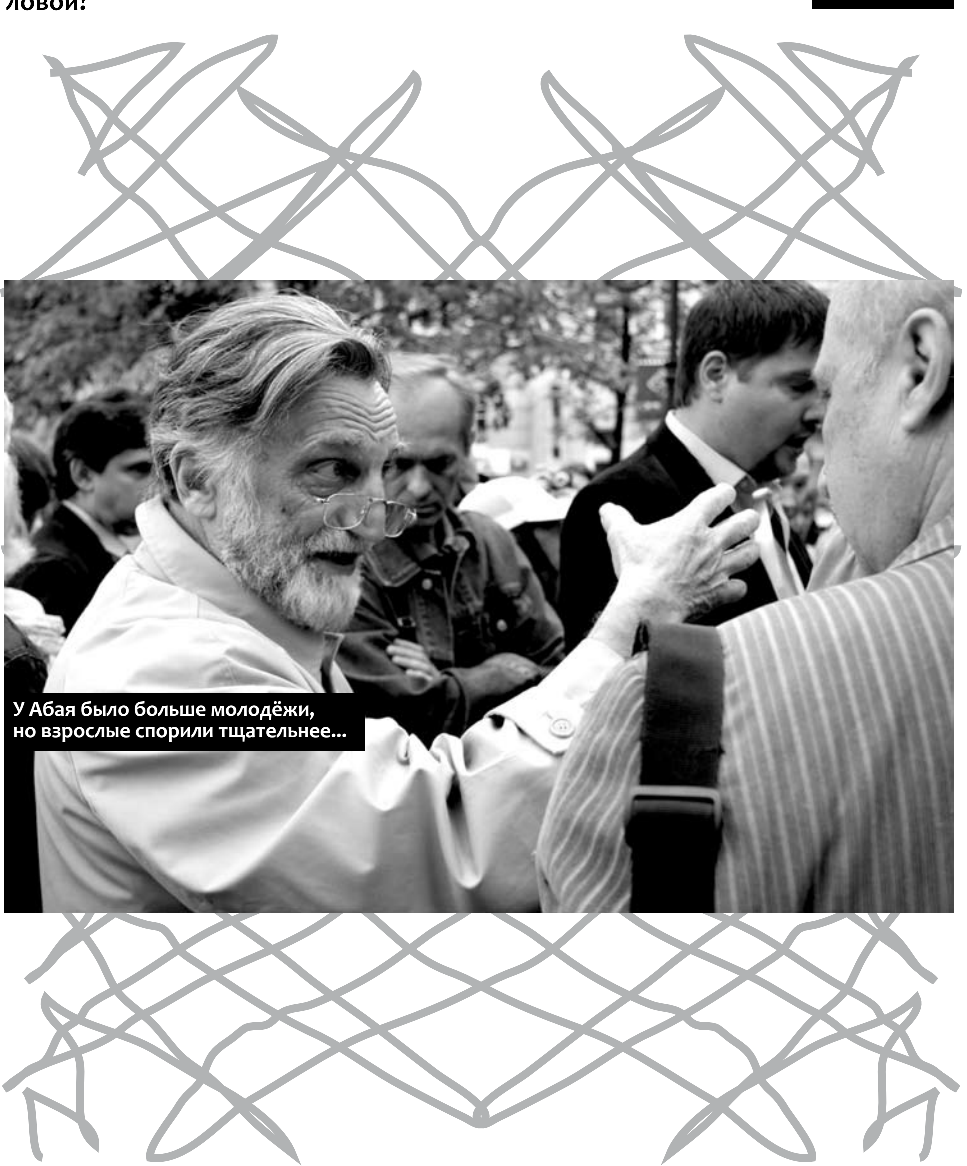
Каково отношение участников движения к тому, что одни и те же люди занимаются организациями массовых акций и за счёт них получают политический капитал, а рядовые граждане участвуют там лишь в качестве декораций?

Пока я не видел, чтобы на эту тему проводились какие-либо дискуссии, хотя в кулуарах, полагаю, об этом говорили. Думаю, если бы люди присоединились к ближайшей массовой акции под тэгом или «маркой» движения #ОккупайАбай, то сразу бы всё встало на свои места, и было бы видно, кто за что стоит. Выдвинув именно те принципы и традиции, которые существовали в лагере, его участники разбавят все те абстрактные и гнилые лозунги, которые были «впарены» массам в результате протестов в декабре и марте. (...)

16 мая 2012 года, Москва

фото: anatrrra

полный текст см.: www.rabkor.ru/interview/13195.html

У Абая было больше молодёжи, но взрослые спорили тщательнее...

пере**ОК** купировка

Обществу нужно гораздо больше пространства, чем готовы предоставить ему власти

Уже пятый день стоит лагерь протеста у памятника Абаю в Москве. Люди здесь не проводят митингов, не вывешивают транспарантов, они просто гуляют, сидят на немногочисленных лавочках, а в основном просто стоят и разговаривают друг с другом. Знакомятся, спорят, договариваются. Но даже встречи людей друг с другом в таком «мягком» формате вызывают злобное раздражение власти. Пропагандистская кампания по обеспечению вероятного разгона постоянной точки общественного присутствия на Чистопрудном бульваре набирает обороты.

Помимо лжи о том, будто в лагере царит антисанитария, вытаптывание цветов и распитие спиртных напитков (все, кто были тут, знают, что это не так — мусор и даже отдельные бычки постоянно подбирают добровольцы, цветы специально огородили ленточками, а бутылки не встретишь ни одной), применяются и более тонкие методы — дескать, местные жители раздражены, якобы собравшиеся на Абае мешают им гулять по бульвару, толпятся, шумят. И вот этот аргумент стоит разобрать поподробнее.

Бульвары — традиционные места отдыха москвичей и гостей города, а Чистопрудный — один из самых посещаемых. И летом, и осенью, и даже зимой (что уж говорить о весне?) здесь всегда много народу, всегда поют под гитару, а то и хором, всегда толпятся и, конечно, шумят.

Должен разочаровать аборигенов центра города: бульвары — общественное достояние, общественное пространство, они, так же, как и все остальные улицы и площади Москвы, принадлежат всем, кто на них появляется — местным, прихожим с той стороны Садового кольца или приезжим с окраины, а также, о, страх! — приезжим из других городов и даже стран.

Нас спрашивают, почему мы тут собрались, по какому праву?

Я хочу спросить в ответ: по какому праву наиболее удобные и просторные здания в лучших местах города занимают бюрократы и коммерсанты? Почему депутаты, чиновники и банкиры оккупируют весь центр своими офисами и припаркованными автомашинами? Почему у них никогда не возникает проблем, где собираться, обсуждать свои дела, обедать, вести переговоры, отдыхать, наконец? По какому праву они захватили центр Москвы и постоянно оттяпывают себе ещё и ещё куски, снося радующие глаз старые здания, застраивая свободные площади, некогда принадлежавшие всем жителям и гостям города? Кто им разрешил всё это,

...а молодые — коллективнее

Но, позвольте, неужели шум голосов перекрывает для местных жителей постоянный грохот трамвая, шум автомобильного движения, которое не прекращается ни днём, ни ночью? Может быть, если жители Чистопрудного хотят утвердить свою частную собственность на бульвар, им стило бы начать с петиции в мэрию о запрете движения транспорта? Разве это не логично?

кто санкционировал их навязчивое присутствие здесь?

Вопросы не риторические. У меня есть ответ: государство так решило, капитализм так повелевает. Короче говоря, они разрешили всё это себе сами.

Думаю, и всем остальным пора предъявить свои права на равное пользование городской территорией. Начнём с бульваров, перейдём к улицам и площадям, а там, глядишь, и до зданий доберёмся.

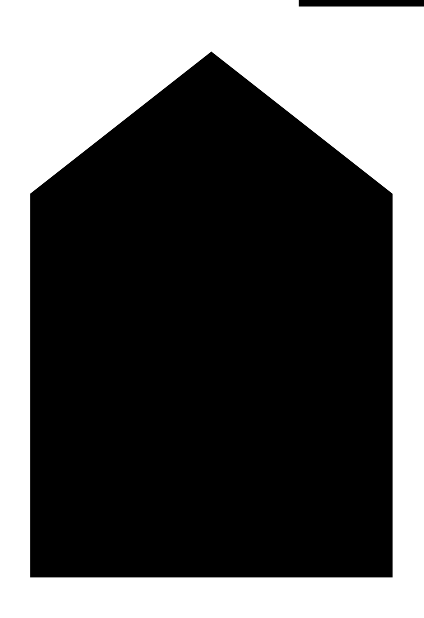
В Кремле, на Старой и Новой площадях, на Охотном ряду, на Тверской, на Новом Арбате, на Мясницкой, на Петровке, на Остоженке, на многих других улицах центра есть немало просторных залов, в которых можно устраивать общедоступные дискуссии по вопросам политики и экономики, культуры и образования, здравоохранения и, чем чёрт не шутит, физической культуры и спорта. Мы не имеем туда доступа — все эти залы оккупируют бюрократы и богатеи (часто это одни и те же люди — вспомним хоть П***на, занявшего недавно некий «высокий пост», да хоть кого).

Что же, нам ведь тоже есть что обсудить — это наша жизнь, наше благополучие, наше будущее. С этой целью мы оккупируем окрестности статуи Абая — нам не хватает пространства. Завтра этого пространства нам будет нужно ещё больше, потому что ещё больше наших горожан и наших гостей проснутся. И мы возьмём столько пространства для обсуждения наших проблем, сколько нам будет нужно. Оно принадлежит и всегда принадлежало всем нам по праву рождения. А отдельным владетельным паразитам — никогда.

Влад Тупикин

фото: anatrrra

первая публикация: листок #Оккупай Абай, 14 мая 2012 года

голос

Мне 16, и я протестую

В декабре 2011 года я первый раз вышла на демонстрацию за честные выборы. Тогда никто не знал, какой будет развязка, но надежды было больше. Митинги были санкционированы, люди выходили, их количество росло. Выходили, потому что не хотели быть пустым местом, были уверены, что могут что-то изменить. Я помню, для меня первые демонстрации были очень интересным зрелищем: креативные плакаты, творческие лица — всё это очень радовало. Народ наконец-то проснулся и больше не хотел сидеть на месте. Было ощущение, что я являюсь частью чего-то огромного, целого, нерушимого. Теперь, когда выборы, которые всё же были сфальсифицированы, уже прошли, и атмосфера, и моё отношение к общественному движению изменились. Можно сказать, что теперь заработала моя собственная голова. Я, наконец, перестав просто следовать за потоком умных чужих мыслей, приняла свою собственную позицию. События весны 2012 года поражали меня и очень часто выводили из себя. С какой стати люди не могут выходить на улицы собственного города без риска попасть в автозак? Почему полиция вместо того, чтобы защищать свой народ, избивает его? Приятно, что большинство людей всё это не отпугнуло. Мы как выходили, так и продолжаем выходить, несмотря ни на что. И этот факт, пожалуй, удивил и обрадовал меня больше всего. Стало по-настоящему ясно, что подавить народ не так легко, или просто-напросто невозможно. Во всяком случае, очень хочется в это верить.

Однако атмосфера накалялась, ведь никаких перемен не происходило, демонстрации ни на секунду не выходили за рамки мирного протеста, но в этой борьбе появилось новое чувство — страх. Причём боялась власть, а не люди, что и привело к жёсткому действию полиции. К счастью или к сожалению, во время митинга 6 мая я оказалась вдалеке от места расправы ОМОНа с народом, но такая развязка лично меня совершенно не удивила. Возмутила — да, но не удивила. Опять появилось ощущение непрочности происходящего. Однако оно тут же развеялось при возникновении лагеря, вначале кочевавшего по центру Москвы, а затем осевшего на Чистых прудах. Лагерь получил название «ОккупайАбай». У многих он изначально вызвал критику, в том числе и у меня. Мне казалось, что это совершенно бессмысленно: собираться в одном месте, не выдвигая никаких требований, не занимаясь никакой деятельностью. Но смысл был. И когда я пришла туда в первый раз, то это стало совершенно очевидным. Люди узнавали друг друга, наконец-то зарождалось то самое общение, которого так не хватало в рамках митинга. Чистопрудный бульвар стал маленькой территорией, на которой люди чувствовали себя по-настоящему свободно, он стал моделью небольшого демократического государства. Я стала приходить туда чаще и чаще. В конце концов меня просто начало тянуть туда. Такой приятной атмосферы, как там, не было нигде. Каждый находил себе занятие, так или иначе принимал участие в оппозиционном движении. И лично у меня появилось ощущение ещё большей уверенности в себе, в людях, меня окружающих, в том, что рано или поздно цель наша будет достигнута. И цель эта действительно достойная и стоящая любых усилий.

Мне 16 лет. Я начала ходить на демонстрации ещё с декабря. Начала не потому, что было нарушено лично моё право на голос (его у меня вообще не было), а потому, что мне не безразлично настоящее и будущее страны, в которой я живу. Я никогда не интересовалась политикой. Мне было абсолютно безразлично, что происходит с нашей властью, ведь это по сути никак не влияло на мою личную жизнь. Но в какой-то момент близкие мне люди открыли мне глаза на происходящее, и не замечать тот факт, что живём мы во лжи, стало невозможным. Теперь политическая жизнь стала неотъемлемой частью и моей жизни, и хорошо, что осознала я это не так поздно. Я буду принимать участие в общественном движении столько, сколько понадобится. Пока это единственное, что я могу сделать, чтобы что-то изменить.

Лиза Вальтер

фото: anatrrra

Протестные митинги «За честные выборы» вошли в мою жизнь внезапно. То есть, я, конечно, никогда не питала иллюзий по поводу вертикали власти и при любом удобном случае участвовала в каких-либо инициативах, но такой долгоиграющий протест, вылившийся в оккупацию городского пространства со всеми атрибутами самоуправления, в моей жизни, признаться, впервые.

С товарищами анархистами мы долго и упорно готовились к каждой акции: рисовали новые баннеры, сочиняли листовки. И просиживая штаны на очередном собрании в одном из подвалов Москвы, кто-то советовал, что первым делом необходимо уничтожить архивы ФСБ. Мы искали подступы к Центризбиркому, оценивали толщину решёток на окнах ФСБ, пути подхода и отступа. Но мы никогда не были рациональными и логичными. Возможно, мы настолько устали от идущей в никуда инициативы, что от первого же столь масштабного события ждали чего-то нового. Безусловно, мы понимали, что п***н всё-таки останется на третий срок, но в нас, тем не менее, жила некая надежда, что он не осмелится на такую наглость. Какая-то угасшая уже давно вера в справедливость давала нам надежду и в то же время обезоруживала нас. Но как бы повернулись события, если бы президентом стал Зюганов или Жириновский? Это был бы отличный манёвр со стороны властей, он мог бы пресечь протест на корню. Но видимо, возомнив себя монархом от Бога, он не захотел делиться ни с кем, и, подогнав из области военных, готовился к волнениям народа.

Я хорошо помню тот гнев, который переполнил меня, когда я узнала, что п***н таки стал новым царём. То есть, я, конечно, в глубине души знала, что так и будет, но всё-таки не теряла призрачную надежду. Мне кажется, именно этот момент и взорвал народ. Все понимали, что перестановки во власти и мнимые смены лиц, это всё то же продолжение откровенного застоя и кризиса свободы.

Вечером 5 декабря, прозябая на просторах интернета, я обнаружила, что даже самые аполитичные из моих знакомых, те, кто всегда отвергал социальный протест, будь то точечная застройка, рубка леса или выселение рабочих, вдруг стали против. Никому не интересны акции, на которых никто не кидает в толпу ОМОНа «коктейли Молотова». Никто не готов к долгосрочному протесту. Всем нужен экшн прямо сейчас. И чтобы революция наступила ровно на следующий день после того, как он отодрал свою задницу от стула. Через пару месяцев эти люди ушли обратно к ярким экранам своих плазм, икс-боксам, и дешёвому угару. А мы остались. Остались ровно на той же точке, где и были. Зимние белоленточные «посиделки» теперь во всех отделениях города!

В первый день ОккупайАбая, когда лагерь обосновался на Чистопрудном, я пришла раздавать анархо-листовки. Лагерь я застала ещё в зачаточном состоянии. Все просто слонялись без дела, пели песни, читали стихи, играли в какие-то игры. Поговорив с несколькими юношами хипстерской наружности и совершенно аморфными в политическом плане, которые склонялись к либерализму и питали надежды на реформистский путь, я прониклась глубоким отвращением к ним. Всё это больше походило на Вудсток интеллигентов, нежели на здравый протест. Придя домой, я поклялась себе более туда не возвращаться. Но на следующий же день снова отправилась на ОккупайАбай. Товарищи из РСД организовали ассамблею, анархисты сделали инфоцентр. Давно мне уже не было нигде так уютно и приятно, как там. Лагерь на Чистопрудном был ценным опытом, и это только начало на пути к чему-то большему.

Даже те из моих знакомых, кто всегда был очень далёк от подобных акций, и тихонечко посмеивался над моей социальной гиперактивностью и революционным настроем, неожиданно для себя обнаружили, что не все панки воняют говном.

Хорошо помню тот день на Баррикадной, когда ОМОН украл у нас веганскую еду и забрал наших товарищей. В тот момент я участвовала в ассамблее, и с минуты на минуту собиралась уходить домой гулять с собакой. Внезапно мой друг резко обернулся вправо, я увидела ОМОН, который вереницей бежал по направлению к кухне. «Сейчас будут наших винтить!» — крикнул он и сорвался с места. Сорвалась и я, но было уже поздно. Ничего не понимающие люди застыли как вкопанные. С трудом пробравшись сквозь толпу к автозакам, я натолкнулась на кучу журналистов, которые активно снимали всё происходящее, ничем, как обычно, не помогая. Немного повздорив с каким-то толстяком с объёмным объективом в руках, тщетно пытаясь побудить его бросить всё и подписаться окружать живой цепочкой автозак с задержанными, я вконец убедилась в сучьей сущности таких индивидов. Снимая всё винтилово на камеры, чтобы потом выложить всё это в своей уютной жэжэшечке, или впихнуть в интернет-издание очередной бездарной газеты, они всё же слишком далеки от народа. Даже 6 мая они находились по ту сторону оцепления, по ту сторону баррикад. В любой момент полиция может попросить у них фотографии или видеозаписи, на которых доказательств каких-либо «преступлений» против святого царя хоть отбавляй. Именно благодаря им Саше Духаниной сейчас грозит до восьми лет.

Оставив попытки подписать журналистов на сопротивление и добравшись до автозаков, оглядевшись, я к своему огорчению обнаружила себя в цепочке с людьми крайне интеллигентными. Дальше всё очень смутно. Щёлканье затворов камер, какие-то депутаты, сальные полковники, давка, задержания, наконец, неудачная попытка перекрытия Садового. Автозак, отделение, старые знакомые, Медведев в рамке на стене.

То ли жизнь меня ничему не учит, то ли так и должно быть. Сложно подсчитать, сколько раз за последний год я разочаровывалась в протесте и сколько раз какое-то событие вновь заставляло моё сердце биться чаще. Наверное, человеку свойственна эта надежда на лучшее, она, как известно, умирает последней. Остаётся только ждать момента, когда, люди проникнутся протестными настроениями, оценят опыт работающего самоуправления и поймут, что изменения возможны и на низшем уровне. Уже не играет особой роли количество автозаков на один квадратный метр. И те люди, которые ещё вчера проходили мимо, сегодня присоединяются к протесту и рассуждают о роли самоорганизации. В процессе мы приобретаем бесценные уроки межличностного взаимодействия. Я неизменно верю, что мы стоим на пороге будущего, свободного от безмолвного повиновения и конформизма.

Мы наконец сошли с оси безмолвного повиновения.

Тимми

фото: anatrrra

Майские праздники

графический репортаж Виктории Ломаско

1 мая центр Москвы был оцеплен и зачищен от случайных прохожих — под предводительством Путина и Медведева по Тверской улице шли колонны демонстрантов с символикой «Единой России».

6 мая около двадцати тысяч человек приняли участие в оппозиционном «Марше миллионов». Этот рисунок сделан за пять минут до того, как ОМОН начал разгонять и избивать мирных участников митинга.

Толпа по переулкам переместилась от кинотеатра «Ударник» к метро Третьяковская, где была оцеплена ОМОНом. Ближе к ночи полицейские стали загонять протестующих в метро. Многие участники митинга засели в ближайшем Макдональдсе.

7 мая все центральные станции метро были закрыты, а центр снова зачищен. Путин в очередной раз стал президентом, протестующие начали бессрочные «народные гулянья», а ОМОН лишился выходных.

9 мая, казалось, Москва отмечает не День победы, а день оккупации. Полицейских, военной техники и металлических ограждений было ещё больше, чем 1 и 7 мая.

На Чистых прудах проходил праздничный концерт: плясал розовый «матрас», пела дива Иванова, массовик-затейник исполнял скабрезные частушки. Неподалёку, у памятника поэту Абаю Кунанбаеву, собрались участники народных гуляний.

Когда концерт закончился, к Чистопрудному бульвару стали стягиваться колонны полицейских автозаков. Протестующие приветствовали их криками, свистом и аплодисментами. Решено было не расходиться.

Самые стойкие участники народных гуляний остались ночевать около памятника Кунанбаеву. Утром 10 мая на бульваре начал самоорганизовываться лагерь ОккупайАбай. Подъезжали всё новые и новые активисты, люди общались друг с другом и пели песни.

В последующие дни в лагере начали читать лекции. Социологи, историки, активисты со стажем и другие участники протеста рассказывали о политике и гражданском обществе. Выяснилось, что многие юные оппозиционеры не знают, что такое «стачка».

Народной кухней, лекциями, уборкой лагеря занимались «Левый фронт», анархисты, веганы, представители сексуальных меньшинств и гражданские активисты. «Дружинниками» были в основном монархисты и националисты.

К активным участникам лагерной жизни стали присоединяться люди, зашедшие на ОккупайАбай из любопытства. Многие из них оставались послушать лекции, песни, стихи и поспорить о политике. Некоторые стали приезжать каждый день и уже с белыми ленточками.

16 мая лагерь был разогнан полицией. Формальным поводом стали жалобы местных жителей на шум и вытоптанные газоны. Праздник ОккупайАбай закончился, но опыт его остался.

ещё ~~не осуждены,~~ но уже ~~посажены~~

Ассамблея #ОккупайАбай, май 2012 года: справа от жестикулирующей Изабель М. — Александра Духанина

10 июня 2012 года московские анархисты и антифашисты провели пикет в поддержку политзаключённых. К акции готовились заранее, ещё в мае, и речь на ней должна была идти о находящихся в СИЗО антифашистах Алексее Олесинове (арестован 12 февраля 2012-го) и Алексее Сутуге (арестован 17 апреля 2012-го). Но последние майские и июньские аресты добавили новые имена в список тех, кому остро нужна солидарность и поддержка.

Олесинов и Сутуга уже много лет участвуют в антифашистском движении и против обоих «правоохранительные» органы провели операцию в провокационном ключе: молодых людей обвинили в причастности к драке в клубе «Воздух» в Москве 17 декабря прошлого года, где произошёл конфликт между посетителями панк-хардкор концерта и охраной клуба. Оба Алексея в драке не участвовали, но собрать за несколько недель обвинительный материал на двух известных активистов движения оказалось вполне возможно — когда надо, в ход у ищеек идут угрозы, подлоги, фальсификации и прочие приёмы из арсенала полицейской стряпни и шитья белыми нитками. Цель операции «правоохранительных» органов в данном случае — нейтрализовать самых известных и активных антифашистов Москвы.

И хотя оба активиста были арестованы уже после начала массовых протестов, рассчитывать, что большинство их участников быстро разберутся в подоплёке этого дела или хотя бы узнают о нём, а потому будут требовать освобождения арестованных — трудно. Полагаться на объективность следствия и суда тоже не приходится. Выходит, всё, слопали? Устранили активных опытных людей ровно в тот момент, когда такие люди в движении становятся особенно важны?

Да, похоже именно такова была установка Центра по борьбе с экстремизмом, или Центра «Э», — здесь угадывается его почерк.

Теперь, после майских событий, когда власть получила наглядный пример того, что протесты не стихают, что спад общественного движения после нарисованных выборов оказался кажущимся, Центр «Э» и другие репрессивные структуры очевидно получили свободу рук для сведения старых счётов с активистской средой, вернее, с активистскими средами разных идейных и политических направлений.

Начиная с конца мая и до 11 июня было арестовано 12 человек, которых обвиняют в применении насилия в отношении полицейских на несостоявшемся митинге 6 мая 2012 года в центре Москвы. Неудивительно, что среди новых арестованных оказались представители почти всех наиболее активных и давно намозоливших глаза охранке активистских сообществ, в том числе анархисты (Александра Духанина), антифашисты (Степан Зимин) и леваки (Владимир Акименков). По логике теперь следует ожидать арестов участников движений в защиту лесов (впрочем, и Александра и Степан, успели побывать и на акциях за Цаговский лес в подмосковном городе Жуковский, и в протестном лагере #ОккупайАбай), людей из движения «Солидарность», из партии «Другая Россия» и т.д.

Также репрессиям подверглось несколько молодых людей и людей среднего возраста с типичными московскими биографиями и профессиями — так подаются сигналы «сидеть на попе тихо» тем разнообразным социальным кругам, к которым относятся арестованные.

Добавим сюда только что проведённое ударное по темпам принятие нового закона против митингов, который позволяет с помощью машины административных судов обрушивать на головы протестующих карательные санкции из сферы уголовной — гигантские штрафы (на уровне тяжких преступлений) и обязательные работы (на уровне преступлений средней тяжести). При этом хоть какие-то юридические гарантии участия защиты в деле, присущие уголовному производству, в административном фактически отсутствуют ввиду «облегчённости» процедуры.

«Многоголовость» нынешней волны репрессий («тихушные» аресты активистов под видом «обычных» преступников, как в случае с Олесиновым и Сутугой, демонстративные устрашающие аресты по статье за массовые беспорядки, как в случаях с Духаниной, Зиминым, Акименковым и ещё девятью участниками демонстрации 6 мая, а также выписывание высоких штрафов, которое, похоже, начнётся буквально на днях — например, за прогулку с писателями в Воронеже 9 июня, за флэшмоб в форме боя подушками в Питере 10 мая, за протестные акции 12 июня по всей стране) преследует цель максимального запугивания и максимальной нейтрализации как протестных выступлений вообще, так и каждого их участника по отдельности.

Единственный вариант ответа со стороны общества — усиление солидарности с арестованными и оштрафованными, с теми, кого преследуют по политическим мотивам, формально облекая это преследование то в уголовную «бытовую» драку, то в административное «нарушение установленного порядка». Разумеется, ситуация, когда за Духанину и Зимина митингуют одни участники «Автономного действия», а за Акименкова — одни участники «Левого фронта», не является нормальной. Столь же ненормальным, да просто нечестным будет оставить заботу о сборе денег на адвокатов и передачи только лишь одним родственникам и друзьям арестованных.

«Один за всех и все за одного!» — это уже не просто лозунг. Эти слова становятся формулой выживания.

Иван Базаров

фото: anatrrra

Аномальная область

Старая шутка насчёт того, что Россия существует, чтобы преподать какой-то важный урок всему человечеству, получила неожиданное продолжение: несмотря на снижение протестной активности, абсолютно лояльный Кремлю губернатор Иркутской области Дмитрий Мезенцев был отправлен в отставку, а новым губернатором стал оппозиционер.

Нельзя сказать, что отставка Мезенцева стала сенсацией: авторы слухов и сплетен увольняли беднягу каждый месяц, но тут уж — дождались! Ещё 16 мая Мезенцев проводил заседание правительства, а к полудню 18 мая все знали: написал заявление об отставке по собственному желанию. Удивило имя преемника: мало того, что Сергей Ерощенко никогда не был на государственной службе, он к тому же ещё и беспартийный. Где-то год назад Ерощенко, который никогда не был ни депутатом, ни вообще публичным политиком, но в «Единой России» для порядка состоял, вдруг подал заявление и вышел из партии. В то время это был крутой поступок: это в 2012 году иркутское региональное отделение «Единой России» покинули сразу два депутата городских дум Братска и Иркутска, а в 2011 году всем важным людям хотелось быть ближе к П***ну.

Ерощенко вышел, а через какое-то время, как раз когда миллиардер Михаил Прохоров решил возглавить «Правое дело», обнаружился во главе Иркутского регионального отделения его партии. Местное «Правое дело» является наследником вполне пристойного отделения «Союза правых сил» — иркутские либералы сумели даже пару раз провести своих кандидатов в Государственную думу и местное Законодательное собрание. В 2011 году ИРО «Правого дела» пребывало в глубоком маразме и обросло скандальными историями, связанными с финансовыми проблемами её лидера и неудачным участием в муниципальных выборах. Приход в политику Ерощенко был воспринят с умеренным энтузиазмом: а вдруг чего получится? Плохо получилось, как известно, у Прохорова, Ерощенко покинул партию вместе с ним, но какие-то надежды на продолжение карьеры у него всё-таки были. С декабря 2011 по март 2012 года он и его группа поддержки принимали заметное участие в акциях гражданских активистов — в том числе, штаб Ерощенко собрал и организовал работу двух сотен наблюдателей на выборах президента.

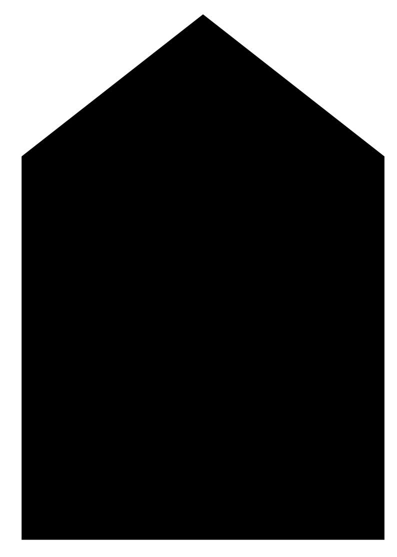
Появление Ерощенко как кандидата на пост губернатора произвело на местных единороссов такой же эффект, какой имело бы вылитое на голову ведро холодной воды со льдом для человека, нежащегося на пляже в самый разгар жары. Новый лидер областной организации ЕР депутат Государственной думы Сергей Тен только-только провёл партийную конференцию, заменил в партийном аппарате ставленников предшественника на своих сторонников (кадры решают всё, понятное дело), а тут президент сообщает, что во всём ИРО в 29 тысяч человек нет ни одного, кто был бы пригоден для руководства регионом. Ещё смешнее было наблюдать за депутатами и известными политиками, которым приходилось переступать через всю партийную гордость и говорить что-то одобрительное в адрес человека, который ещё вчера был в стане оппозиции. Всё-таки верность Путину взяла верх над остальными чувствами, и единороссы проголосовали как надо. Депутаты от ЛДПР и «Справедливой России» приняли назначение Ерощенко спокойно, а вот коммунисты проявили принципиальность и проголосовали против — не Ерощенко как личности, а назначения как принципа. Группа активистов обще-демократической направленности в день голосования по кандидатуре Ерощенко провела пикет перед домом правительства области с лозунгом «Хватит назначать, пора выбирать!». Действительно, если бы не это назначение, выборы в Иркутской области прошли бы уже в 2014 году, а так — придётся ждать до 2017 года. О том, как будет работать новый назначенец, судить ещё рано, известно лишь, что на первой же пресс-конференции он твёрдо заявил, что ни в какие партии вступать не будет. Ну и на том спасибо.

Активность остальной оппозиции потихоньку сошла на нет: в начале месяца в область пришли аномальные холода, из-за которых две попытки организовать что-то подобное «ОккупайАбай» были сорваны природой. Тем временем сами собой назрели два новых городских конфликта: жители нескольких домов по улице Донской в Иркутске пошли стенка на стенку со строителями, собирающимся построить новое офисное здание прямо на месте детской площадки, а жители поселка Ново-Иркутский и микрорайона Академгородок встали на защиту лесного массива, назначенного под вырубку и застройку коттеджами. В первом случае репутационные потери понёс мэр города единоросс Виктор Кондрашов, который предложил горожанам, получившим травмы в драке со строителями, пойти в суд; во втором дополнительные баллы получил губернатор Ерощенко, который в жёсткой форме запретил вырубать лес. Примитивный вывод о том, кто тут враг народа, а кто метит в друзья, может сделать даже старушка, до сих пор считающая интернет разновидностью телевидения. Продолжение серии электоральных поражений «Единой России» ожидается на муниципальных выборах в городе Усолье-Сибирское: все наблюдатели, включая членов «Единой России», предсказывают победу списку КПРФ.

Василий Громов

фото автора

7 мифов о полиции

Сражения между бунтовщиками и военными часто ведутся отнюдь не по законам военного искусства. И тот, кто основательно изучил полицию, кто знает, на что она способна, а на что нет, кто может предсказать её действия и быть к ним заранее готов — тот может перехитрить и переиграть полицию.

Этот текст напечатан на оборотной стороне плаката, который распространяется сейчас в различных городах США участниками движения «Оссиру».

Миф первый: Полиция использует законную власть

Обычный полицейский не является экспертом в области права — он знает лишь протокол своего департамента полиции и очень мало чего знает о реально действующих законах. А это значит, что в его действиях в значительной степени присутствуют блеф, импровизация и обман. Полицейский лжёт регулярно: «Мне только что сообщили, что вы по описанию похожи на подозреваемого в преступлении. Предъявите документы».

Но это также не означает, что мы должны бездумно считать легитимным и сам закон. Судебная система охраняет тех, кто у власти и привилегии богатых. Подчиняться закону не всегда правильно с моральной точки зрения — иногда это даже аморально. Рабство когда-то считалось законным, а помощь беглым рабам — незаконной. Нацисты пришли к власти в Германии посредством демократических выборов и проводили свои законы предписанным законом путем. Решая, что делать и чего не делать, мы должны полагаться на собственную совесть, а не ориентироваться на законы и принимать во внимание полицейские угрозы.

Миф второй: Полиция — это обычные работники, такие же, как и мы. Они должны стать нашими союзниками

К сожалению, есть огромная пропасть между «должны» и «являются». Задача полиции — прислуживать интересам правящего класса. Каждого, кто не имел негативного опыта общения с полицейскими, можно считать либо привилегированным, либо покорным. Либо же — и то, и другое сразу. Современный полицейский отлично сознаёт, на что идёт, когда поступает на службу в полицию. Ведь люди в униформе не только снимают застрявших на дереве кошек. Конечно, большинство из них идёт на работу в полицию под экономическим давлением, но необходимость зарабатывать деньги ещё не является оправданием насильственного выселения семей из домов, унижения «цветной» молодежи, использования слезоточивого газа против демонстрантов. Те люди, чью совесть можно купить — потенциальные враги каждого из нас, а отнюдь не наши союзники.

Для большей убедительности изложим нашу сказочку в стратегических терминах. «Всякая революция побеждает в тот момент, когда вооружённые силы отказываются воевать против своих же. Следовательно, мы должны сконцентрироваться на том, чтобы соблазнить полицию перейти на нашу сторону». Но полиция — это не простые рабочие. Полицейские — это те, кто сознательно избрал для себя в качестве основы своего материального существования защиту господствующего порядка. Следовательно, они менее всего симпатизируют тем, кто пытается его изменить. В данном контексте гораздо более разумно противостоять полиции как таковой, чем пытаться с ней солидаризироваться. Пока они служат своим хозяевам, они не могут быть нашими союзниками. Отвергая институт полиции как таковой, и деморализуя отдельных полицейских, мы, тем самым, стимулируем их искать себе новые источники пропитания. И уже тогда, возможно, однажды мы сможем найти с ними общий язык.

Миф третий: Может, в корзине есть и «гнилые яблоки», но некоторые полицейские — нормальные люди

Возможно, у некоторых полицейских действительно есть добрые намерения. Но, опять же: покуда они подчиняются приказам, а не собственной совести, им нельзя доверять.

Здесь следует понимать саму природу институций, а не приписывать все случаи несправедливости недостаткам отдельных личностей. Помните историю о человеке, которого кусают блохи, и ему удалось поймать одну? Он долго её рассматривал, а потом посадил обратно себе на шею, сказав при этом: «Оказывается, это не она меня кусала».

Миф четвёртый: Полиция победит в любом противостоянии, поэтому нет смысла с ней бороться

С одной стороны, при таком вооружении, оборудовании и возможностях осуществлять контроль над гражданами, полиция кажется непобедимой. Но это — иллюзия. Полиция зажата со всех сторон кучей рамок и ограничений: бюрократия, общественное мнение, проблемы коммуникации плюс — перегруженная судебная система. Допустим, если у них нет необходимого количества транспортных средств для перевозки больших партий арестованных, они не могут совершать массовые аресты.

Поэтому иногда даже разношёрстная толпа, вооружённая лишь гильзами от выстреленных в неё же снарядов слезоточивого газа, может оттеснить более многочисленную, лучше организованную и технически оснащённую полицию. Сражения между бунтовщиками и военными часто ведутся отнюдь не по законам военного искусства. И тот, кто основательно изучил полицию, кто знает, на что она способна, а на что нет, кто может предсказать её действия и быть к ним заранее готов — тот может перехитрить и переиграть полицию.

Такие маленькие победы особо воодушевляют тех, кто регулярно подвергается полицейскому насилию. В коллективном бессознательном нашего общества полиция представляет собой бастион реальности. Это сила, гарантирующая неизменность существующего порядка. Следовательно, победа над ней (пусть и временная) доказывает, что существующая реальность — это преходящая реальность.

Миф пятый: Полиция лишь отвлекает нас от нашего настоящего врага, поэтому она не достойна нашего гнева и внимания

К сожалению, тирания осуществляется не только политиками и начальниками. Они беспомощны без тех, кто исполняет их приказы. Если уж мы боремся с их правлением, то мы боремся и с подчинением как таковым, которое позволяет правителям держаться у власти. И рано или поздно, мы через подчинённых доберёмся и до тех, кто подчиняет.

Полиция является такой же составляющей частью иерархии. Сама динамика угнетения, существующая в наших сообществах — это лишь внешнее проявление того же феномена, пусть и на более высоком уровне. Если мы боремся с господством как таковым, а не лишь с определёнными его формами, то мы должны быть готовы бороться с ним и на улицах, и у себя дома. Нельзя победить его на одном фронте, не победив на другом. Мы не должны фетишизировать борьбу с врагом в униформе. Нельзя забывать о проявлениях господства в наших рядах, но нельзя и концентрироваться лишь на

принципах неиерархичности — на деталях противодействия проявлениям господства в наших собственных рядах.

Миф шестой: Полиция нужна, чтобы защищать нас

Согласно этой точке зрения, пускай мы и стремимся жить в обществе без полиции в отдалённом будущем, однако сейчас полиция необходима нам, так как люди ещё не готовы жить в мире, если их к этому не принуждает какая-либо силовая структура. Но разве социальный дисбаланс и страх перед полицейским насилием — это мир? Те, кто утверждают, что полиция иногда делает и что-нибудь хорошее, должны сначала доказать, что это хорошее не произошло бы и без участия полиции. В любом случае, общество, свободное от полиции, не возникнет внезапно лишь потому, что кто-то напишет баллончиком на стене: «Fuck the Police». Борьба за освобождение общества от полиции будет вестись столько времени, сколько нам понадобится для того, чтобы научиться жить и сосуществовать в мире друг с другом. Сообщество, не способное разрешить свои внутренние конфликты, не может рассчитывать и на победу в борьбе с более мощной внешней силой. Противодействие полиции следует рассматривать как отрицание одного из источников угнетения с помощью насилия, а не как утверждение, гласящее, что без полиции ничего не будет. Если мы когда-нибудь сможем победить и распустить полицию, то уж от менее организованных сил, представляющих для нас угрозу, мы сможем защитить себя и сами.

Миф седьмой: Сопротивление полиции предполагает насилие. Чем мы тогда лучше них?

Согласно этой точке зрения, насилие является формой господства, поэтому его использование противоречит борьбе с самим этим господством. А те, кто прибегают к насилию, играют в ту же игру, что и их противники. Таким образом якобы утрачиваются изначальные мотивы действий. Подобный взгляд на вещи многое пытается упростить. Разве женщина, которая защищается от насильника, оказывается тем самым ничем не лучше насильника? Получается, что восставшие рабы ничем не лучше рабовладельцев? Существует понятие самозащиты. В одних случаях насилие усиливает господство, в других — оспаривает его. Для тех, кто до сих пор верит в авторитарную систему или в бога — для них следование правилам (юридическим или моральным) является наивысшим приоритетом, чего бы это им не стоило. Они верят, что будут вознаграждены за своё поведение и им неважно, что потом будет с другими. Нет, в принципе, никакой разницы, называют они себя консерваторами или пацифистами. Для тех же из нас, кто готов сам нести ответственность за свои действия, наиболее важен вопрос: как сделать наш мир лучше? Иногда это нужно делать также и с помощью насилия.

Полицейские — тоже люди и заслуживают в принципе такого же уважения, как и все живые существа. Но вопрос заключается не в том, заслужили ли они страдания и нужно ли их призвать к ответу. Это чисто прагматический вопрос: им нельзя позволять проявлять жестокость по отношению к людям или навязывать нам несправедливый социальный порядок. Пусть даже при этом те, кого всю жизнь лишь угнетали, и попытаются свести свои личные счёты

Нападение полиции на лагерь #ОккупайБаррикадная 16 мая 2012

с угнетателями. Но, всё-таки, освобождение заключается не в том, чтобы мстить, а в том, чтобы отпала сама подобная необходимость. Следовательно, пусть иногда и нужно поджечь полицейский участок, но это следует делать не с чувством мести и самоуверенностью, а с чувством заботы и сострадания — если уж не к самой полиции, то, по крайней мере, ко всем тем, кто мог бы пострадать от рук полиции.

Делегитимизация полиции послужит на благо не только тем, кто страдает от действий полиции, но и семьям полицейских и даже самим полицейским. Мало того, что в семьях полицейских наблюдается непропорционально высокий уровень бытового насилия по отношению к жёнам и детям, но среди полицейских ещё и выше вероятность убийства, суицида и развития различных видов зависимости.

Всё, что будет способствовать тому, чтобы полицейский бросил свою работу — будет делаться в его же интересах, также как и в интересах тех, кто ему дорог — да и всего общества в целом. Давайте творить мир, в котором никто никого не угнетает и не является угнетателем. Создавать мир, где никто не будет жить в страхе.

«Лишь представьте, чему люди могут тихо покориться, и вы поймёте всю степень несправедливости, которой они и будут подвергаться до тех пор, пока не начнут сопротивляться как словом, так и ответными ударами», — сказал когда-то Фредерик Дуглас.

перевод: Дмитрий Колесник

источник: liva.com.ua

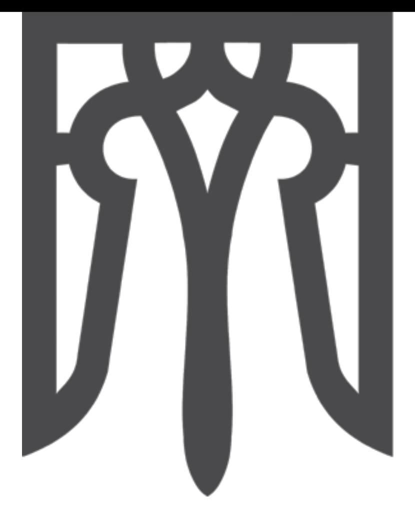
фото: Влад Тупикин, anatrrra

Люди мешают полиции увезти арестованных, лагерь #ОккупайБаррикадная 16 мая 2012

Ультраправые Украины

*Участие националистов в антип***нском протестном движении многими в России воспринимается нервно и напряжённо. Одним это решительно не нравится и они призывают размежеваться с националистами, не устраивать общих акций с убийцами и покровителями убийц (см., например, декабрьское (2011 года) обращение Комитета 19 января), другие отвечают им: да успокойтесь, надо сначала П***на сбросить, а потом уже считаться, кто правый, кто левый (и только нервный тик и раздражённый тон выдают их собственное неспокойствие). Ответ на вопрос, способны ли националисты стать «респектабельной» политической силой, «как все» или родовая травма погромных настроений и практики не позволит им этого сделать, можно обсуждать в гипотетическом футурологическом ключе, можно — с опорой на историю, а можно — на примере соседей, Германии, Польши, наконец, Украины. К Украине сейчас и так приковано внимание в связи с чемпионатом Европы по футболу. Что ж, посмотрим на ситуацию соседей, может быть в ней мы найдём кое-какие ответы и кое-какие примеры, которым стоит и не стоит следовать.*

В этот день киевлянин Андрей Мовчан надел свою лучшую белую рубашку. Сегодня у него должны брать интервью журналисты одного из общенациональных телеканалов для передачи о левых. Но по телевидению все увидели её в кровавых пятнах. «Около часа назад прямо среди бела дня на меня напали. Шестеро нацистов. Нападали со спины, били руками и ногами. К счастью, мне удалось устоять на ногах», — рассказывает Андрей. Ударом кастета разбили голову, позже врачи наложили восемь швов. Интервью с журналистом и профсоюзным активистом пришлось отложить. Это было 20 апреля (в день рождения Гитлера — «*Воля*»).

Часом раньше эти же нацисты караулили участников пикета за освобождение российского антифашиста Алексея Сутуги. Но напасть на большую группу не решились, только потом, когда все после окончания пикета шли к метро, один из пикетчиков, отошедший от основной группы метров на 50, получил несколько ударов телескопической дубинкой. После этого нападавшие быстро убежали, опасаясь реакции других антифашистов.

Как в первом, так и во втором случае нацистов было легко идентифицировать сразу. Один из них уже участвовал в нападениях на левых и правозащитников, другие были футбольными хулиганами-нацистами наиболее правоэкстремистского клуба Украины «Динамо-Киев».

Дмитрий Иващенко, который разбил Андрею голову кастетом, кроме всего прочего, имеет отношение к праворадикальной партии Украины ВО «Свобода».

Партия, которая раньше называлась Социал-националистической (игра слов для того, чтобы не было прямой отсылки к НСДАП), ранее объединяла в своих рядах бонхедов и прочих маргиналов. Но после «оранжевой революции» и внутренних конфликтов единственный депутат, который в ней был, Олег Тягнибок, переформировал партию. Она изменила своё название, заимствовав его у австрийской Партии свободы Йорга Хайдера. Получив финансовую и информационную поддержку и заручившись негласной лояльностью власти, она стала респектабельным субъектом украинской политики. На ближайших парламентских выборах ей прочат преодоление проходного барьера. А уже сегодня эта неонацистская партия доминирует в региональных парламентах Западной Украины. В том числе в тех городах, где пройдёт футбольный чемпионат «Евро 2012».

Президент Ющенко, который пришёл к власти на волне протестов, так называемой «оранжевой революции», проводил националистическую политику типичного национал-либерала, для которого демократические лозунги служат прикрытием и необходимой легитимизацией его правления. За время своего президентства он ничего не изменил в социальном положении жителей Украины. Зато активно взялся за счёт государственного бюджета продвигать ура-патриотизм, признание националистического антисоветского сопротивления 1920-40 годов, а организованное сталинским режимом изъятие у крестьян всего зерна и пищи в целях их экспорта, выручкой от которого пытались покрыть дефицит валюты, необходимой для форсированной индустриализации, объявил геноцидом украинцев по этническому признаку вроде Холокоста.

Такая политика не могла не дать свои всходы. И хотя рост убийств и насилия на расовой почве, который начался при нём, был остановлен репрессиями правоохранительных органов, однако зёрна национализма нашли благодатную почву в обществе, уставшем от постоянных политических потрясений, безответственной революционной и радикальной риторики правящих элит. На этом фоне партия «Свобода», которая, с одной стороны, изменив название и символику, лишилась в массовом восприятии отвращения как нацистская, с другой, проводя активную деятельность, вмешиваясь в социальные протесты и активно рекламируя себя, начала захватывать достаточно объёмный национал-демократический сегмент, который на фоне разочарования беззубостью заполнявших его ранее традиционных партий, их расколом и распрями, девальвацией доверия к их лидерам всё больше становился своего рода вакуумом.

Сыграл свою роль и другой фактор. Ещё на выборах 2009 года в Тернополе (областной центр Западной Украины, региона, играющего роль традиционной базы для националистов и национал-демократов) режим Януковича использовал нацистов для устранения своего конкурента в лице Юлии Тимошенко. Жанна Д'Арк «оранжевой революции» также активно эксплуатировала ура-патриотизм и этот регион для неё был одним из основных. В «битве патриотов» победили экстремисты, продемонстрировав мэйнстрим-политикам урок того, к чему приводят подобные заигрывания. Но эта победа была бы невозможна без патроната и, как утверждает ряд политиков, даже прямой финансовой помощи со стороны Партии регионов, правящей политической силы.

Эксперты, проводя анализ информационной политики украинских телеканалов, пришли к очень интересным выводам. «Ведущие украинские СМИ, такие как «5 канал» или интернет-издание «Украинская правда», регулярно предоставляют площадку Тягнибоку и его однопартийцам, которые пользуются этим для распространения своих взглядов и популяризации своей партии. В течение двух лет до середины 2010 года увеличение представительства «Свободы» в электронных СМИ было непропорционально её маргинальной политической роли на национальном

уровне. Только с недавнего времени рост популярности «Свободы», частично созданной с помощью медиа, возможно, несколько оправдывает её частые появления в украинских СМИ», — пишет известный исследователь украинских ультраправых Андреас Умланд.

Сегодня неонацисты из партии «Свобода» готовятся преодолеть на осенних выборах проходной барьер и пройти в Верховную Раду. Но, несмотря на стремление стать респектабельной политической партией, её лидеры не только не чураются призывов к насилию или проведения откровенно ксенофобских акций против мигрантов. Её молодежь активно участвует в уличном терроре. Начиная от нападений и травли Центра визуальной культуры университета Киево-Могилянская академия (президент которого — в прошлом видный деятель парамилитарной националистической организации и одобрительно относится к крайне правым), заканчивая нападениями на различные меньшинства и антифашистов.

«Если раньше нацистский террор имел скорее субкультурные корни и нацистов интересовали только чернокожие и антифашисты, то сейчас мы наблюдаем всплеск насилия со стороны уличных нацистов, контролируемых или близких к ВО «Свобода». Он носит теперь более целенаправленный политический характер и координируется активистами «Свободы», которые светятся на телевидении, формулируют идеологию, то есть лидеры хотят получить от этого террора вполне очевидные политические дивиденды», — прокомментировали ситуацию в «Антифашистском действии — Украина», объединении, которое занимается мониторингом нацистской активности и противодействием ей.

Последние события вокруг сорванного марша против гомофобии, который пытались провести 20 мая, только убеждают в этом. Правоохранительные органы и киевские власти ничего не смогли сделать против толпы агрессивно настроенных хулиганов. В результате организаторам гей-прайда пришлось в последний момент отказаться от идеи проведения марша из-за опасения за жизнь и здоровье его участников. И это не преувеличение. Во время проведения пресс-конференции на глазах у журналистов и телекамер неонацисты напали на организаторов марша и жестоко избили их.

Как утверждают антифашисты, которые отслеживают деятельность ультраправых, все мероприятия по срыву марша организовал непосредственно один из лидеров уличных нацистов, активист ВО «Свобода» Евгений Карась «Вортекс» вместе с активисткой организации, которая поддерживает ультраправых террористов, оказавшихся за решёткой, Ольгой Худецкой «Йоко». Но истинными организаторами являются люди, которые завтра, возможно, будут депутатами парламента. Это лидеры столичной организации этой ультраправой партии Андрей Иллиенко и Юрий Ноев.

«В результате этих инцидентов серьёзно пострадало не только здоровье общественных активистов, но и имидж Украины, что представляется особенно серьёзным накануне масштабного спортивного мероприятия, которое наша страна готовится принимать в ближайшие недели. Ситуация с гомофобией в Украине в последние дни уже стала поводом для оправданно, на наш взгляд, резких заявлений ряда европейских структур», — именно так отреагировал «Конгресс национальных общин Украины» на эти события. И грустно констатировал: «Одной из самых неприятных составляющих события является отсутствие адекватной оценки публичной пропаганды ненависти и насилия в отношении представителей ЛГБТ-сообщества со стороны представителей государственной власти и правоохранительных органов».

Ситуация с ксенофобией, её рост в стране развивается по восходящей. Как и ранее, наиболее дискриминируемым этническим меньшинством остаются цыгане. Отношение общества к цыганам остаётся негативным. Социологические опросы показывают, что предубеждение к цыганам является более распространённым, чем к лицам, которые принадлежат к другим национальным меньшинствам.

Имея высокий индекс нетерпимости в Украине, цыгане очень страдают от социальной дискриминации. Уровень безработицы среди них является в среднем более высоким, а условия их жизни являются худшими, чем условия жизни других этнических групп. Они имеют больше трудностей в доступе к образованию, медицинскому обслуживанию и судебной системе.

По свидетельствам правозащитных организаций, защищающих права ромов (самоназвание цыган), больше всего жалоб касается произвола правоохранителей. Большинство цыган малограмотны или вообще нигде и никогда не учились. Они очень запуганы и боятся жаловаться. Поэтому, чувствуя полную безнаказанность, «стражи порядка» заставляют цыган брать на себя нераскрытые преступления.

И причинами роста ксенофобии являются не только значительное количество националистов среди журналистов и отсутствие отторжения ксенофобской пропаганды со стороны общества, не только использование фактически всеми ведущими политическими партиями националистической и консервативной риторики. Более-менее влиятельных антифашистских объединений или правозащитных организаций, которые активно борются и влияют на ситуацию, просто не существует. Но и деятельность государственных органов играет свою роль. Ксенофобия прочно сидит в головах чиновников, а борьба с ней — сплошная имитация и отписки, особенно в правоохранительных органах. В то время как неонацисты активизируются, МВД ликвидирует подразделение по борьбе с этим явлением. Не так уж и давно МВД отменило отдел в департаменте уголовного розыска, который фактически занимался раскрытием преступлений по ст. 161. Деятельность подразделения фокусировалось на преступлениях на почве ненависти. Очевидно, высокопоставленные чиновники министерства считают, что в Украине с этим проблем нет. Всё это происходило на фоне подготовки к «Евро-2012», который стартовал в первой декаде июня. Государство возлагает на футбольный чемпионат большие надежды, связанные с притоком туристов и, как следствие, с улучшением финансового положения. Правда, в последнее время в западных СМИ всё чаще появляются публикации о проблеме нацизма в Украине и об отсутствии попыток её решения со стороны властей. Всё больше европейцев отменяют свои планы относительно посещения Украины. Это плохо для страны. Но винить в этом украинская власть должна только саму себя.

Орест Цебрий

на фото:
Профсоюзный активист Андрей Мовчан с разбитой нацистами головой (фото: direct-action.org.ua)
Украинские нацисты, в том числе Дмитрий Иващенко, нападавший на Андрея (фото: livasprava.info)

Новочеркасск: воспоминание о будущем?

События в Новочеркасске стали фактом из учебника истории, монументом в исторической памяти. Достаточно произнести «Новочеркасский расстрел», и всё понятно: колонна «рассерженных» рабочих, автоматчики, поливающие очередями массу людей...

Каждая идеология использует это событие в качестве ещё одного кирпича своего идеологического храма. Расстрел рабочих «государством рабочих» — это ли не находка для любого антикоммуниста? Но и сталинисты солидно кивают головами — при Сталине такого бы не произошло. Это всё Хрущ. Сталин мочил зажравшихся чиновников и контрреволюционную интеллигенцию, а рабочему классу снижал цены. Шестидесятники тоже не спешат заступаться за Хрущёва — они давно уже не верят в социализм.

Вот и получается, что Новочеркасские события — это нечто из неповторимого советского прошлого, которое вряд ли вернётся. Но расстрелы бастующих рабочих — обычное дело для Европы и Америки конца XIX — начала XX веков. Это в СССР расстрел возмущённых рабочих был укрыт завесой страшной тайны, которую берегли до Перестройки, когда история Новочеркасска-1962 стала ещё одним идеологическим ящиком Пандоры. А теперь мы не в СССР, мы — на просторах Третьего мира. Погружаясь в недоразвитый капитализм, мы как раз и приближаемся к ситуации, где стрельба по толпе — пусть неприятное, но принятое властями средство. Мы должны помнить опыт Новочеркасска, потому что это — воспоминание о возможном будущем. Если не остановить деградацию страны, нарастание произвола, социального эгоизма правящей касты, то Новочеркасски станут буднями.

17 мая 1962 г. Совет министров СССР принял постановление «О повышении закупочных (сдаточных) цен на крупный рогатый скот, свиней, овец, птиц, масло животное и сливки и розничных цен на мясо, мясные продукты и масло животное». Об этом было объявлено 1 июня. Цены повышались на 25-30 процентов. Наступление на права трудящихся обосновывалось их собственными интересами: «Надо, чтобы все правильно поняли, что если не осуществить сегодня такой меры, как повышение закупочных цен на мясо, то завтра будет такое положение, когда будет ощущаться нехватка этих продуктов, будут очереди за мясом», — утверждал Н. Хрущев. И сейчас телевидение просит «правильно понять» непопулярные, «но необходимые» меры. За кризис должны расплачиваться работники, а не банкиры и чиновники. П***н рассказывает о том, что кризис преодолён. Но кризис в кошельках простых людей вовсе не преодолён, и ещё долго не будет преодолён. И когда люди выйдут на улицу не просто потому, что у них украли голоса, а потому, что стало невыносимо тяжело жить — вот тогда возникнет новая ситуация. И власти придётся выбирать — уступать в главном, в социальном, или...

Когда идёт колонна отчаявшихся людей, жизнь которых стала невыносимой, дубинки ОМОНа их не остановят.

Однако, как показал опыт Пикалёва, современная власть РФ понимает опасность, и готова уступить в случае отдельных рабочих волнений — кинуть подачку, взяв из кармана других работников. А потом, когда всё успокоится — можно и отодрать.

Одиночество Новочеркасска — урок для протестующих. После повышения цен люди всерьёз выступили только здесь. Как только были повышены цены на продовольствие, на многих предприятиях страны и на улицах в Риге, Киеве, Челябинске, Кемерове, Перми и других городах происходили небольшие стихийные митинги численностью до нескольких десятков человек. Возмущённые рабочие обсуждали происшедшее, но в конце концов приступали к работе. А вот на Новочеркасском электровозостроительном заводе им. Будённого (НЭВЗ), расположенном в пригороде Новочеркасска Будёновском (десять километров от города), стихийный митинг перерос в выступление против политики Хрущёва. Почему только здесь?

Незадолго до повышения цен на этом заводе были уменьшены на треть расценки, что и без того ухудшило положение рабочих. Работа во многих цехах завода была особенно тяжёлой и опасной. Однако это происходило и на других предприятиях необъятной страны. Этих предпосылок было недостаточно для начала серьёзного выступления.

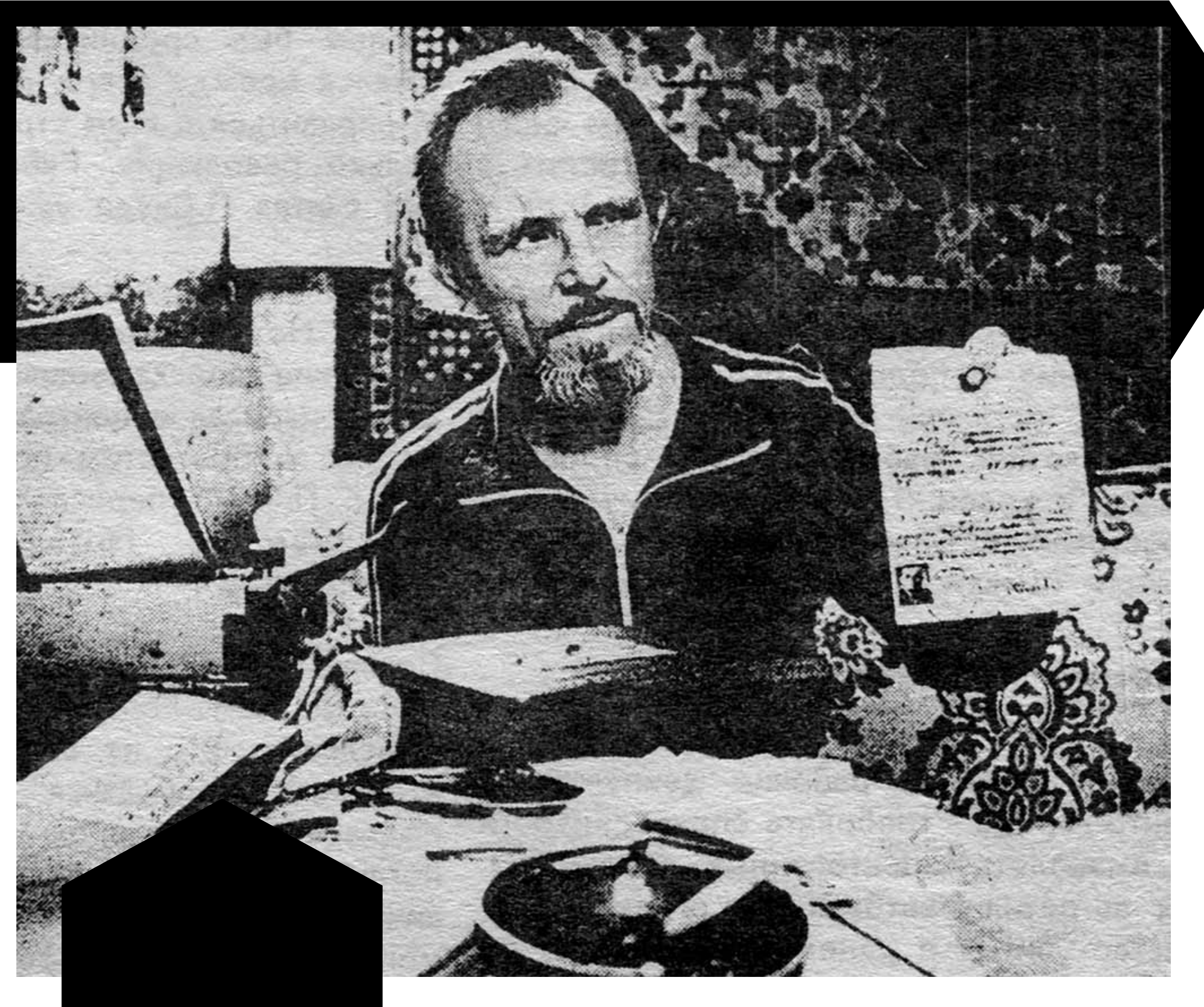
С утра 1 июня рабочие собирались в группы и обсуждали — как теперь жить? На заводе присутствовал завотдела обкома Я. Бузаев, который попытался успокоить рабочих повторением официальной позиции. Вокруг него собралось около двадцати рабочих. Доводы руководителя их не убедили, и партийный деятель ретировался, предоставив объясняться с рабочими директору и секретарю парткома. «Разговор с рабочими они повели не по-деловому, высокомерно, барски. В момент разговора директора с рабочими к ним подошла женщина с пирожками в руках. Увидав пирожки, директор решил поостроумничать и, обращаясь к рабочим, произнес: “Не хватает денег на мясо и колбасу, жрите пирожки с ливером”. Это стало искрой, которая повлекла за собой трагедию в Новочеркасске», — вспоминал участник событий Пётр Сиуда. Рабочие вышли из себя: «Да они еще, сволочи, издеваются над нами!»

Ухудшение социального положения наложилось на ущемление чувства собственного достоинства людей. Это происходит и сейчас — произвол возмущает, и люди тусуются на Баррикадной или Чистых прудах. А в другой точке Москвы, у мэрии, спят на улице люди, которых капиталисты и чиновники выгнали их общаги на Трёхгорке. И вместе эти протесты не сошлись. Каждый — в одиночку. И миллионы не выходят на марш, потому что у них нет организации и ещё теплится надежда, они ещё готовы терпеть или разочарованы в вождях, приватизирующих протест.

Нельзя задавить протест большинства, но можно давить или выпускать в свисток

Новочеркасск, 1 июня 1962 года. Забастовщики перекрывают дорогу

Пётр Сиуда собрал свидетельства новочеркасской трагедии и был убит за это весной 1990 года. Фото 1988 года

локальные протесты. Новочеркасск оказался локальным.

Но рабочие НЭВЗа и поддержавшая их интеллигенция пытались преодолеть локальность: перекрывая железную дорогу, организовав марш в центр Новочеркасска. Эта могло вызвать цепную реакцию — отсюда жёсткие действия властей. Нужно либо быстро договориться, либо быстро подавить, пока процесс не вышел из под контроля.

Большинство рабочих ещё не было настроено радикально. Преобладало мнение, выраженное Петром Сиудой: «Я выступил на митинге с призывом продолжать забастовку, соблюдать выдержку, твёрдость, организованность. Я предлагал на следующее утро идти всем в город демонстрацией, выработать общие требования и предъявить их властям». Так и решили делать.

Власти прибегли к арестам, но это только радикализовало протест. На место относительно конструктивных лидеров первой волны пришли более «отвязные». Это — урок и для современных правителей.

Соединение социального протеста и политической оппозиционности — самое опасное для режима. Для любого. Выступления против Хрущёва и Политбюро станут одним из самых тяжких обвинений на процессах против новочеркассцев, когда движение будет подавлено.

Несмотря на аресты, марш состоялся. Толпа затопила центр города. Власть была шокирована, в переговоры с забастовщиками вступили члены Президиума ЦК во главе с Микояном. Возможно, компромисс и был возможен. Ненависть к «Хрущу» или к П***ну не должна заслонять социальные задачи — сама по себе смена фамилии правителя мало что решает для работника. Либо — смена социальной системы, либо — серьёзные социальные уступки. Хуже всего — смена верхушки без уступок...

Но до этого этапа борьбы не дошло — прозвучали выстрелы.

В таких случаях всегда разгораются споры — кто спровоцировал другую сторону. Но не будем забывать, что ответственность за массовый протест всегда несут режим и социальная система. Это они выводят на улицы людей, провоцируя их своей политикой. Власть и капитал — главные провокаторы.

А уж если власть так боится своего народа, что отгораживается от него штыками, автоматами или таким количеством ОМОНа, что возникает давка — о каких провокаторах в толпе можно говорить? Есть возмущённые люди, и возмутила их власть. Есть массы людей, которым Система не даёт нормально жить. Есть испуганные солдатики или тупые солдафоны. Не ставьте их напротив народа, если не хотите нового «Кровавого воскресенья». Любая искра может вызвать взрыв — не нужно искать искру, чтобы назначить виновного. Социальную бомбу заложила Система. И если она хочет сохраниться, эту бомбу нужно научиться разряжать.

Надо отдать должное Системе СССР — в 60-е годы бомбу удалось разрядить. Советский Союз погиб позднее и от других причин. Заслуга того, что правители бросились разряжать социальную бомбу, принадлежит рабочим Новочеркасска. Они решились сказать власти то, что думают. Они знали, что рискуют, но решились.

Если граждане страны не способны ни на что решиться — страна гниёт и деградирует. Чтобы она двигалась вперёд — нужно быть готовыми отстаивать свои социальные права, идти маршем не ради смены одних упырей другими, а ради глубоких социальных перемен в интересах работников.

Александр Шубин

все фото — из архива профсоюзной газеты «Солидарность»

Художник и ценитель